

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

У океана

Жизнь на крайнем Севере

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
У океана: Жизнь на крайнем Севере / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 468 с.

ISBN 978-5-519-98981-7

ISBN 978-5-519-98981-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЪ ПУСТЫНЯХЪ.

I.

Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ закоулковъ Бѣломорскаго запада, испоконъ вѣку, чуть-ли не съ той поры, какъ здѣсь впервые появились дружины смѣлыхъ ушкуйниковъ, стоитъ небольшое селеніе, затерявшееся на пустынныхъ берегахъ моря, оглашаемыхъ лишь криками чаекъ, да жалобнымъ рыданіемъ гагаръ. Село ютится на крутомъ спускѣ гранитной горы, прикрытой только чахлою травою, да жалкими березками, выступающими изъ черныхъ щелей и трещинъ дикаго камня. Крутомъ высятся такія-же крутыя вершины, обступившія небольшую губу, входъ въ которую загроможденъ рядомъ скалъ, зловѣще поднимающихся изъ-подъ воды, какъ острые зубы чудовищной челюсти. Кое-гдѣ на солнечномъ припекѣ, куда не врывается сѣверный вѣтеръ, зеленѣютъ скудные еловыя поросли, а на голыхъ маковкахъ отлогихъ холмовъ бѣлѣютъ тощія пажити. Еще старики помнятъ время, когда здѣсь водились олени, и рассказываютъ, какъ красиво и тонко обрисовывались ихъ граціозныя силуэты на темномъ фонѣ осенняго неба. Голодные волки и пули не менѣе голодныхъ промышленниковъ извели этихъ аборигеновъ поморя и толь-

ко среди безмолвныхъ пустырей сосѣдней Лапландіи еще живутъ они, оживляя ее прелестные пейзажи. Губа, которую мы назовемъ Камбальницей, вся была изрѣзана малыми, но глубокими бухтами, усѣяна островками, коргами, въ куй-погу ¹⁾ чернѣвшими изъ подъ воды. Берега кое-гдѣ отвѣсно обрушивались въ бухту и тутъ-же рядомъ бѣлѣли песчаные отмели, покрытыя обломками скалъ, массами сѣрыхъ ракушекъ, выброшенныхъ приливомъ, да мелкимъ плавникомъ, богъ-вѣсть откуда занесеннымъ бѣломорскими валами въ это безлѣсное захолустье. Въ ямкахъ песчаной отмели стояла вода. Въ ней билась неуспѣвшая выбраться въ море съ отливомъ мелкая сельдь или плоская, безобразная камбала, еще незамѣченная прожорливою чайкой. На заднемъ фонѣ этой губы едва-едва синѣли, подернутыя сѣроватою дымкой, горы, за которыми въ неисходную глушь западали старыя чудскія тайги. Туда рѣдко заходитъ даже смѣлый охотникъ, зная, что въ сырыхъ и темныхъ логгахъ чудскаго чернолѣся кишмя-кишатъ черныя и желтыя змѣи, рыщутъ голодные медвѣди, да цѣлыми стадами бродятъ волки. За то въ губѣ было спокойно и безмятежно. Отрѣзанная горами и утесами отъ вѣчно волнующагося бѣломорскаго простора, вода здѣсь неподвижна, какъ въ чашкѣ, прозрачна до того, что на глубинѣ двадцати сажень можно отличить испещренную черными пятнами жирную кумжу отъ ближайшей ея родственницы семги, широкій листъ темной водяной капусты отъ такой-же широкой камбалы, мелкую, случайно забравшуюся сюда треску отъ толстаго, пробирающагося въ рѣчку сига. Берега, каждую своею расщелиной, выступомъ, каждымъ листкомъ березы, отчетливо отражались въ свѣтломъ зеркалѣ губы, и посреди нея, заглянувъ внизъ и видя тамъ тѣ-же золотисто-жемчужныя облака, ту-же ясную голубую высь, тѣхъ-же быстролетныхъ чаекъ, можно было забыться и вообразить себя посреди безконеч-

¹⁾ *Куй-пога*—время малой воды между отливомъ и приливомъ.

наго простора неба, а не на утлой лодкѣ бѣломорскаго рыболова. Если-бы не рыбачьи карбасы, бороздившіе поверхность губы, если-бы не каруса ихъ, бѣлѣвшіе точно птичьи крылья, если-бы не маты лодей ¹⁾ и шкунъ, стоявшихъ у берега, то эта глушь на всемъ своемъ пространствѣ казалась-бы безлюдной. Отсюда порою, словно оспаривая у чаекъ безпредѣльную высь лазурнаго неба, смѣло взвивалась туда могучая пѣсня полярнаго бойца-мурманщика ²⁾, въ которой, на зло окружающей бѣдности, слышится громкій вызовъ свободнаго человѣческаго сердца всему, что давить и обездоливать его въ этомъ мертвомъ захолустѣ. Отдѣльно отъ села Малые-Луды, на небольшомъ островѣ, среди неожиданно разсоспихся елей, стояла убогая деревянная часовня, сколоченная изъ бревенъ поморомъ, обрѣвшимъ здѣсь спасеніе отъ бури, которая разбивъ у входа въ губу его судно и поглотивъ шесть человѣкъ матросовъ, выбросила его одного на дикій выступъ гранитнаго утеса. Часовня эта замѣняла для береговаго населенія церковь. Въ ней все было скудно и мрачно. Темные лики образовъ сурово смотрѣли съ потрескавшихся и покоробившихся досокъ, подъ ними висѣли яйца чаекъ, гагъ, гагаръ—убогія приношенія возвращавшихся съ промысла покрученниковъ. Но едва ли въ другихъ раззолоченныхъ храмахъ теиѣ звучали молитвы, жарче и искреннѣе лилися слезы?..

Теперь—въ концѣ марта—все здѣсь занесено снѣгомъ,—и село, и горы, и острова! Самая губа не освободилась еще изъ-подъ льда; громадные ледяные припай ³⁾ окаймили и внѣшніе берега ея, далеко залегая въ бѣломорскую темь, по ко-

¹⁾ *Лодья*—большое палубное судно.

²⁾ *Мурманщикъ*—промышляющій на Мурманѣ. Мурманъ самая бойкая часть арктическаго промысловаго берега, простирающаяся отъ Святого Носа до границъ Норвегіи.

³⁾ *Припай*—леденая кайма, образуемая вдоль морскаго берега зимою.

торой съ глухимъ шумомъ носятся стамухи ¹⁾. Но сѣверный вѣтеръ уже сдалъ. Въ воздухѣ порою вѣетъ что то мягкое, бодрящее, ледъ кое гдѣ посинѣлъ и трескается, снѣговые сугробы громяхаютъ по ночамъ, да и ночи стали короче и солнышко подольше застаивается на горизонтѣ и жарче льются его золотые лучи. Крикъ первой чайки послышался откуда-то издали и не остался незамѣченнымъ. Во всѣхъ избахъ давно идетъ торопливая работа: чинить снасти, готовить обувь и платье, пекутъ шаньги ²⁾, колобки ³⁾. Бабы и дѣвки тоскливо заглядываются на мужиковъ и парней, ссоръ меньше, все тихо, любовно; а какъ только первая стая чаекъ заблестала серебристо-бѣлыми крыльями надъ замерзнувшей губою, такъ и пошла вездѣ гулянка въ перемежку съ причитаньями и слезами.

Потянуло западнымъ вѣтромъ, вѣпнимъ и теплымъ шелонникомъ. И не одно сердце дрогнуло и не одни яркія очи наполнились слезами... Близилось время мурманскаго промысла, злое, разлучное для бабъ, непривольное для молодыхъ парней.

Позади села стояла жалкая избенка. Въ ней давно ужъ жила семья стараго новоземельскаго промышленника, который пѣною всѣхъ своихъ многотрудныхъ странствій не могъ добиться возможности достроить кровлю надъ жильемъ. И до сихъ поръ только нѣсколько балокъ—основа будущей крыши—поднимались надъ избою, словно голыя ребра павшей и занесенной снѣгомъ лошади, мясо съ которыхъ содрано волками и расклевано вороньемъ. Здѣсь была та-же суматоха, что и повсюду. Старики снаряжали на промыселъ своего сына, красиваго и рослаго парня, сидѣвшаго на лавкѣ, низко понуря голову.

¹⁾ *Стамуха*—глыба льда, иногда имѣющая до 5 миль въ діаметрѣ, плавающая зимою по океану или Бѣлому морю.

²⁾ *Шаньга*—ватрушка изъ чернаго тѣста съ кашей или сметаной.

³⁾ *Колобокъ*—родъ поморскаго кренделя.

— Да... такъ-то... о Мостовиковской Насѣкѣ и думать тебѣ не стоитъ, брось! бормоталъ старикъ, вытягивая совикъ.

— Почему такому? повидимому, равнодушно отвѣтилъ парень, внимательно разглядывая бахилы ¹⁾ изъ перпы.

— А потому, что у тебя вонъ крыша еще не готова.

— Ну?

— А у ейнаго отца—тыщи. Шестъ пнякъ на промысль сряжаетъ, двѣ шкуны. Ну, супротивъ такого капиталу, чѣмъ ты себя оправдать можешь?

— Наська не посмотрить!

— Въ дѣвку не вѣрь, у ней одна права хвостомъ вилять, у Наськи вашего брата еще не одинъ десятокъ пребываетъ.

— Не бывать этому!

— Брось свою думушку, голубчикъ, вступилась старуха. — Брось! Мироѣдовъ этихъ хорошо я знаю. У нихъ счетъ на деньги идетъ. Не бывать Насѣкѣ за тобой. Вонъ у Мироновны погляди-ка дочку.

— У Мироновны дочка точно, что въ тѣлѣ. Съ ней хоть куда.

Перень молчалъ и только внимательно сталъ разсматривать бахилы.

— Ну, чтожъ? добивался старикъ.

— А то, что ежели Наська да за меня не пойдетъ, такъ легче мнѣ, ее шкуру, въ Камбальницѣ утопить, подлюю! Началъ было парень да вдругъ осѣкся, вскочивъ какъ обожженный.

Въ дверяхъ избы стояла высокая, красивая дѣвушка, лукаво глядѣвшая на парня. Широкою грудъ и стройный станъ ея плотно охватывала бѣличья душегрѣйка, изъ-подъ которой падала внизъ красная юбка поморскаго сарафана. На ея голову былъ наброшенъ платокъ; изъ-подъ него выбивались непокорныя, упругія косы, никакъ не свивавшіяся въ одну массу. Темно-синіе глаза словно смѣялись на полномъ, румяномъ лицѣ, смѣялись и алые крупные губы.

¹⁾ *Бахилы*—высокая обувь изъ перличьей кожи.

— Ну-ко, какой ты нонѣ злой, Андрей... Чтой-то это, за какую провинность ты топить меня собираешься?.. У-то-пишь?.. Ну, топи.—И она близко подошла къ нему. Жаръ ея дыханья такъ и обдавалъ парня. Онъ изъ-подлобья сверкнулъ на нее черными, полными страсти глазами, и снова потушился. Только грудь всколыхнулась выше, да кровь кинулась въ его красивое лицо.—Что-жь не топишь?—Серебристый смѣхъ разсыпался по горницѣ.—То-то погляжу я на парней нашихъ. На словахъ-то горазны, языкомъ что веслами работаютъ, а руки у нихъ плоше дѣвичьихъ.

— И утоплю, едва слышно пробормоталъ парень, опять сверкнувъ на нее острымъ взглядомъ.

— Отецъ къ тебѣ спосылалъ: старый корпикъ до полупромысла останется, а потомъ въ Норвегъ уйдетъ ¹⁾, такъ быть тебѣ послѣ него коршикомъ...

Старики ожили.

— Ну, Андрей, благодари Создателя. Я въ корпики на сороковомъ году попалъ, а тебѣ вонъ оно какъ...

Дѣвушка вышла, парень за ней. На улицѣ было скверно. Теплый, западный вѣтеръ несъ прямо въ лицо имъ не то какую-то сырую мразь, не то мягкій, тотчасъ-же таявшій смѣгъ.

— Настя, послышалось за ней. Она остановилась, не поворачиваясь къ нему.—Настя, можетъ и повидаться не придется. Море, сама знаешь,—измѣна лютая. Подохнешь гдѣ за камнемъ, либо волной спибеть въ пропасть.

— Чего-жь тебѣ?

— Чего! Сколько прошу тебя. Авось теперь придешь. Облюбились мы съ тобой, точно, а только до сихъ поръ ты и близко ко мнѣ не подойдешь, все дальше да при людяхъ.

— А нешто мы въ церкви съ тобой повѣчались ужъ? Ишь ты, скорый какой!

— Не говори ты, змѣя. У меня, можетъ, сердце отъ тоски

¹⁾ Норвегъ, Норгъ—Норвежскій берегъ.

рвется, радъ-бы въ пролубъ отъ тебя, отъ лютой, уйтись! Пойми ты, волчиха: завтра уйду и не повидаешь больше, можетъ... Не шии...

— Господь милостивъ.

— Кому милостивъ, а кому и грозенъ. Что-жь?

Она быстро обернулась къ нему; все лицо ея облилось яркимъ румянцемъ.

— Для кого я себя берегу, для кого?.. Для тебя вѣдь; чего-жь тебѣ еще? Срамнѣю взять хочешь, что-ли, ай тебѣ мало на горе мое глядячи тѣшиться?

— Приходи сегодня туда... знаешь.

Она молча глядѣла внизъ.

— Что же придешь-ли?

— Ладно жди!

И дѣвушка быстро юркнула въ ворота большого тесоваго дома.

Къ ночи подымалась мятель. Вѣтеръ рвался и стоналъ отъ ярости, словно хотѣлъ размѣтать это селенье, и бѣсился, то кидаясь въ узкую щель между двумя горными откосами, то стуча въ окна избъ, гдѣ все уже было темно и тихо, то стекая по самой землѣ, точно притаившійся звѣрь, готовый кинуться на намѣченную жертву. Андрей пробирался по задворкамъ къ банѣ, стоявшей невдалекѣ отъ тесоваго дома. Наконецъ, онъ поднялся на ея ступеньки и осторожно пріотворилъ дверцу. Тамъ все было тихо. Сырая тьма пахнула на него. Онъ вошелъ. Тутъ было тепло... Ждать становилось не въ мочь. Что-то шелохнулось въ углу, пробѣжало мимо его ногъ и зашуршало у ближней стѣны. И опять тишина, подавляющая, гнетущая, мертвящая. Вотъ кто-то застучалъ по стѣнѣ, забился въ окно, глухимъ грохотомъ прокатился по крышѣ и съ долгимъ, унылымъ свистомъ замеръ гдѣ-то далеко, далеко... Жутко стало парню. Каждый звукъ мятели тоскливымъ чувствомъ отзывался въ немъ.

Но вотъ сквозь стоны и завыванія вѣтра слышался мѣрный шорохъ. Ближе и ближе... Чьи-то шаги... вотъ съ порога таякнула собака. Другая отозвалась ей и снова все

замерло. Что-то шуршитъ у двери, щеколда звякнула — и въ одно мгновеніе Андрей на рукахъ внесъ дѣвушку къ лавкѣ.

— Милый ты мой, желанный, слышалось ему въ сырой, густѣющей тѣмѣ. Чье-то лицо искало его лица, чьи-то губы вливались въ него, чьи-то руки сжимали ему шею. — Видишь самъ — пришла, аль еще змѣей бранить станешь?

— Стану, коль забудешь.

— У-то-пишь?

И тихій смѣхъ вызывающе прозвучалъ кругомъ, и теплая щека приникла къ его лицу.

— И утоплю.

— Смотри, не забудь только ты меня.

— Ладно, у тебя парней сколько хочешь тутъ будетъ. Сама, поди, выберешь.

— Такого, какъ ты, не найти.

— Не вѣрю я вашему бабьему слову... Обманъ все. Отецъ заставитъ.

— Меня-то?

— А то кого. Пугнетъ, и пойдешь — за кого укажетъ.

— Не пужливая я... легче въ воду...

И опять молчаніе... А вѣтеръ еще пуще злился и билъ въ стѣны и окна бревенчатой клѣтшки, засыпалъ ее снѣгомъ и насвистывалъ кругомъ свою унылую однообразную пѣсню.

Они не слышали ее, не видали тьмы, ихъ окружавшей...

* * *

Ночь была сырая и теплая; утромъ сѣрый паръ окутывалъ всю губу, цѣпляясь по скаламъ вверхъ и залегая плотными слоями въ темныхъ трещинахъ, ущельяхъ и логахъ. Кое-гдѣ въ однообразномъ морѣ тумана мелькали верхушки елей и гребни утесовъ. Еще чайки ни оглашали мертвыхъ окрестностей своими рѣзкими криками, еще ни одна гагара не стонала въ мелкобѣсѣй прибрежной низи, а ужъ по селу народъ про-

снулся и вездѣ кипѣла трудовая жизнь. Почти въ каждой избѣ слышались рыданія женщинъ; сами промышленники были молчаливы и мрачны предъ долгой, почти семимѣсячной, разлукой. Скоро все населеніе этого захолустья собралось передъ избой міроѣда. Наконецъ, вышелъ и самъ онъ — толстый, неповоротливый, съ окладистой сѣдой бороδοю, узкими, едва прорѣзанными глазами, хитро смотрѣвшими на лоснящемся румянѣмъ лицѣ.

— Ну, кормильцы, дай вамъ Богъ!.. Чтобы все, значить, тихо, смирно. Ловите рыбу. Я къ вамъ всей душой. Тутъ семьямъ помогу сдѣлаю. Слава Господу, хватить на это. А вы ужъ поусердствуйте, рыбки побольше ловите; посередь лѣта изъ Норвеги и я къ вамъ приѣду; норвецкаго рому привезу и всего прочаго. Будьте въ надеждѣ... Ловите рыбку только; въ становищѣ ¹⁾ муки да крупы будетъ не впроворотъ. Въ Колу этто я писалъ Базарному, онъ вамъ всего выдастъ. Кушайте на здоровье, да рыбку ловите... ловите... Богъ дастъ—хорошій промыселъ... А таперича въ часовню, кормильцы, помолимся Вседержителю, да крестъ поставимъ. Оно надежнѣй будетъ съ крестомъ да съ молитвой. Потому безъ Бога—никуда...

— Это вѣрно! загулѣла толпа. — Бабъ нашихъ не оставь ежели мучки, соли и чего прочаго — отпущай безъ сумленія, опослѣ промысла—разсчесть. Старикамъ тоже...

— Чего тутъ, сказано — всѣмъ сердцемъ!

— Моему сынишкѣ въ Питеръ пошли три рублевика.

— Ладно.

— Ужь ты, ежели что случится, зацити.

— Ну, братцы, Бога не забывай—въ часовню!

Вся толпа, съ женами, стариками и дѣтьми, отправилась по ледяному насту на каменную луду ²⁾, гдѣ посреди нѣсколь-

¹⁾ Становище — нѣсколько избъ разволочныхъ, выстроенныхъ въ глѣбинѣ бухты, гдѣ производятся промыслы; въ избахъ лѣтомъ живутъ промышленники, а зимою—никого.

²⁾ Луда—мель, прибрежная, каменистая и довольно длинная. Маленькій голый островъ тоже иногда называютъ лудой.

кихъ елей стоялъ бревенчатый срубъ, крытый на два ската и увѣнчанный крестомъ. Прикладывались къ образамъ, клали деньги въ стоявшую тутъ-же тарелку, зажигали восковую свѣчу и послѣ двухъ или трехъ земныхъ поклоновъ выходили на площадку, гдѣ изъ бревенъ обтесывался крестъ. Дѣло шло съ молитвой, всякій старался хоть разъ ударить топоромъ, вколотять хотя одинъ гвоздь, чтобы часть и его труда была въ этой непритязательной жертвѣ. Наконецъ, крестъ былъ водруженъ на высотѣ холма, въ яму, вырытую въ промерзлой землѣ. Основаніе его обложили камнями, покурили на него ладаномъ, еще помолились и такой-же нестройной толпой вернулись назадъ, въ избу хозяина, гдѣ имъ была приготовлена незатѣйливая трапеза. Водка, ромъ, пироги съ палтусиной ¹⁾ и сельдями, уха изъ соленой трески, соленые сити, запеченные въ ржаную корку, шаньги съ пшеномъ и картофелемъ, — все это въ изобиліи предлагалось и покрученникамъ, и ихъ семьямъ. Разумѣется, и это было для нихъ вальтазаровымъ пиромъ. Въ обыкновенное время поморъ ѣстъ вонючую, соленую сайду ²⁾ или пикшу ³⁾, хлѣбъ иногда съ сосновою корою, да славу-богу если еще есть мороженная сельдь. Вся надежда на счастливый уловъ. Онъ прокормитъ семью зимой и дастъ возможность расквитаться съ долгами. Скудная почва не обезпечиваетъ помора. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится земледѣліе, несмотря на сѣверное положеніе края, гдѣ ежегодно сѣется и собирается хлѣбъ — земля не можетъ прокормить своего работника. Пусть урожай будетъ хоть самъ шесть, пусть засуха не обрѣдитъ, морозъ не побьетъ, водополье не смоетъ посѣва. Волость въ 1,500 душъ высѣетъ ячменя не больше 300 четвериковъ, а соберетъ его 1,500 четвериковъ.

¹⁾ *Палтусъ* — одна изъ важнѣйшихъ статей мурманскаго промысла. Ловъ палтусовъ здѣсь даетъ ежегодно 80,000 р. Посоливъ, его возятъ въ Архангельскъ и другія мѣста. Отъ соли палтусина принимаетъ отвратительный запахъ. Свѣжая — это положительно вкуснѣйшая изъ рыбъ.

²⁾ ³⁾ Сайда и пикша тоже рыбы, ловащіяся въ сѣверномъ океанѣ.